

равного себе собеседника, который смог бы стать со-творцом. Эти идеи выросли на фундаменте диалогической теории М.М. Бахтина.

Список использованной литературы:

1. Барт, Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика / Р. Барт. – М., 1989.
2. Бахтин, М.М. Проблемы текста / М.М. Бахтин // ВЛ. – 1976. – № 10.
3. Бахтин, М. Эстетика словесного творчества / М. Бахтин. – М., 1979.
4. Библер, В.С. – От наукоучения – к логике культуры: Два философских введения в двадцать первый век / В.С. Библер. – М.: Политиздат, 1990.
5. Эпштейн, М. Парадоксы постмодернизма в современной русской культуре / М Эпштейн. – Massachusetts, 1996. – С. 385.

Зайцева И.П.

ВГУ имени П.М. Машерова, Республика Беларусь, г. Витебск

Профессор, доктор филологических наук

irinazaj91@mail.ru

УДК 821.161.1-14

КОНСТРУКТИВНЫЕ ПАРАМЕТРЫ ЛИРИКИ КАК ЛИТЕРАТУРНОГО РОДА В ОСМЫСЛЕНИИ М.М. БАХТИНА

Статья посвящена интерпретации и раскрытию значимости для современной филологической науки идей М.М. Бахтина о лирике как особом роде литературы (в частности, о предложенном учёным понимании эстетической категории *субъективность* применительно к этому литературному роду), а также об одном из ключевых жанрово-стилистических параметров лирики – *лирическом субъекте*.

Ключевые слова: лирика, субъективность, субъектность, лирический субъект, образ-личность.

CONSTRUCTIVE PARAMETERS OF LYRICS AS A LITERARY KIND IN M.M. BAKHTIN'S UNDERSTANDING

The article is devoted to the interpretation and disclosure of the importance for modern philological science of M.M. Bakhtin's ideas about the lyrics as a special kind of literature (in particular, about the proposed understanding of the aesthetic category *of subjectivity* in relation to this literary genus), as well as one of the key genre-stylistic parameters of the lyrics – *the lyrical subject*.

Key words: lyrics, subjectivity, subjectness, lyrical subject, image-personality.

Введение. Устанавливая отличительные особенности лирики как литературного рода, исследователи в подавляющем большинстве случаев подчёркивают сосредоточенность лирики в первую очередь **на внутреннем мире человека**, на различных эмоциональных, душевных, психологических состояниях человеческой личности, которые в значительной степени определяют и её отношение к происходящим с нею и другими людьми событиям, к окружающим её другим людям. Теория лирики, зародившейся в далёкой античности как искусство синкретичное (соединение хорового пения с декламацией и некоторыми движениями), к настоящему моменту прошла долгий путь, получив наиболее целостное и глубокое осмысление в философско-эстетической концепции Г.В.Ф. Гегеля, дополненной и уточнённой в XX веке работами выдающегося отечественного учёного М.М. Бахтина.

Материал и методы. В настоящей публикации сделана попытка осмыслить филологическое наследие М.М. Бахтина, размышлявшего в том числе и о сути ли-

рического творчества; основным методом в данном случае является **интерпретационный** метод.

Результаты и их обсуждение. Одной из самых характерных особенностей лирического произведения является функционирующий в нём **лирический субъект** – понятие, которым обозначают «носителя речи, а также основной (всеобъемлющей) точки зрения на мир и оценки в лирическом художественном произведении» (С.Н. Бройтман). Эта эстетическая категория, сложная по своей структуре и разнообразная по формам и способам воплощения в художественном произведении, в течение последних двух веков осмысливалась с учётом различных принципов, что предопределило введение в научный аппарат филологической науки, в первую очередь – литературоведения, ряда соположенных, а иногда и употребляемых как синонимы, терминов: *лирическое «я»*, *лирический герой*, *автор-поэт*, *герой* (термин функционирующий применительно к лирическим произведениям повествовательного или ролевого характера) и ряда других, – толкование которых и сегодня не является однозначным.

Наиболее полное и последовательное выражение сформировавшаяся в европейской гуманитарной науке теория лирики, как уже было отмечено, находит в эстетической концепции Г. Гегеля – именно в его осмыслении процесс интериоризации лирического творчества достигает наибольшей выраженности и законченности. Согласно Г.В.Ф. Гегелю, как форму, так и содержание лирики определяет «не объективная совокупность всего и не индивидуальное действие, **а именно субъект как субъект**» (выделено мною. – И. З.) [1]. Философ подчёркивает, «что не внешний повод и не его реальность создают собственно лирическое единство, а субъективное внутреннее движение души и способ восприятия предмета»; «чувство и рефлексия вовлекают внутрь себя наличный мир, переживают его в своей внутренней стихии и уже только после того, как этот мир стал чем-то внутренним, выражают его, находя для него слова» [2]. Все приведённые положения глубоко и многосторонне осмысливаются в контексте целостной эстетики Г.В.Ф. Гегеля, в соответствии с которой в поэзии – в отличие от других видов искусства, в том числе и искусства словесно-художественного, – «дух становится предметным на почве самого же духа». Таким образом, в понимании Г.В.Ф. Гегеля, именно **субъективность** становится ключевой характеристикой лирики как литературного рода.

Однако с течением времени выяснилось, что концепция субъективности всё же не даёт определённых ответов на многие связанные с интерпретацией лирики вопросы, а сам термин «субъективность» выглядит несколько расплывчатым, что не способствует необходимой чёткости дефиниции лирики как рода литературы. Невозможность объяснить своеобразие лирики, исходя лишь из означенного принципа субъективизма, видели уже романтики, что побудило их к поиску ряда родовых критериев лирики. Так, к примеру, К.В.Ф. Шлегель, «помимо определения лирики как «поэзии чувства» в отличие от эпоса – «поэзии созерцания» ..., устанавливает дефиниции родов по признаку «первоисточника чувства»: эпос – чисто воспоминание, лирика – внутреннее томление, драма – истинное вдохновение. ... Затем основанием деления родов выступает их соотношение с телом (драма), душой (эпос) и духом (лирика) ... Наконец, подходя к литературным родам с точки зрения их места в структуре поэзии как целого, К.В.Ф. Шлегель выделяет: исходный пункт (эпос), среднюю область (лирику) и вершину органического развития в поэзии (драма)» [3].

Вслед за К.В.Ф. Шлегелем попытки установить более гибкую и адекватную систему критериев для разграничения выделяемых литературных родов, а иногда и пересмотреть существующую традиционную родо-литературную триаду

(вплоть до отказа от деления литературы на роды в принципе) предпринимались многими и отечественными, и зарубежными учёными, среди которых А.Н. Веселовский, Д.М. Овсянко-Куликовский, E. Staiger, Л.И. Тимофеев и другие.

Так, А.Н. Веселовским предложен *исторический* подход к проблеме разграничения литературных родов, хотя многие положения, сформулированные им в противовес традиционной теории, были приняты далеко не всеми. Определённое влияние на пересмотр традиционных взглядов на феномен литературных родов оказали идеи немецкого философа Ф. Ницше, на основе которых в начале XX-го века сформировалось новое понимание субъекта и автора лирики. Наиболее заметно влияние идей Ф. Ницше в концепции М. Зусман (M. Susman), в работе которой, посвящённой лирике («Das Wesen der modernen Lyrik»), вводится эстетическая категория, обозначаемая термином «лирическое “я”». Этот термин сыграл весьма важную роль в становлении современной теории лирики: М. Зусман, опираясь на идеи Ф. Ницше, предложила понимать «лирическое “я”» не как персональное, а как «дионисийское», преступившее границы «субъективности» и в вечном возвращении живущее “я”, обретающее в поэте своё обиталище: лирическое “я” является формой, которую поэт создаёт из данного ему “я”» [Цитируется по: 4].

По мнению С.Н. Бройтмана, выходом из возникшего кризиса стало формирующееся в XX веке понимание лирики – прежде всего на основе идей М.М. Бахтина – как рода литературы, отличающегося специфическим типом субъектной архитектоники, т.е. таким характером отношений между субъектами эстетического события, при котором между ними отсутствует внешняя граница, но автор при этом должен «утончиться до чисто-внутренней внеаходимости герою» [цитируется по: 5].

М.М. Бахтиным, таким образом, были заложены философско-эстетические предпосылки для качественно нового понимания лирики: категория субъективности (у М.М. Бахтина эта категория определяется как *субъектность*) была им осознана как **самостоятельная ценность**, а не как нечто, нуждающееся в десубъективации либо в оправдании. Кроме этого, учёный предложил ещё целый ряд положений, дополняющих и корректирующих, иногда весьма существенно, традиционное понимание лирики, основанием для осознания которых является – как минимум – объединение филологии и философии. Это, в частности, утверждение о том, что лирика выражает «не отношение переживающей души к себе самой, но ценностное отношение к ней другого как такового». В другом месте исследователь отмечает: «Не высказать свою жизнь, а высказать о своей жизни устами другого необходимо для создания художественного целого, даже лирической пьесы» [6].

Примечательно, что М.М. Бахтин принципиально по-новому взглянул и на особенности, сближающие лирику с другими родами литературы: он показал их обусловленность своеобразием эстетического видения, в котором человек выступает как условием, так и предметом, однако в разных ипостасях: в первом случае – в авторском обличье, во втором – в качестве героя. «Поскольку «каждое видение включает в себе тенденцию к герою, потенцию героя», то «можно утверждать, что без героя эстетического видения и художественного произведения не бывает и должно только различать героя действительного, выраженного, и героя потенциального, который как бы стремится пробиться через скорлупу каждого предмета художественного видения» [7].

Всё сказанное позволяет заключить, что исследования М.М. Бахтина заложили на основе уже существующих концепций лирики качественно новое понимание специфики этого литературного рода: своеобразие лирического словесно-

художественного творчества учёный усматривает прежде всего в том, что здесь «автор растворяется во внешней звучащей и внутренней живописно-скульптурной и ритмической форме, отсюда кажется, что его нет, что он сливается с героем или, наоборот, нет героя, а только автор. На самом же деле и здесь герой и автор противостоят друг другу и в каждом слове звучит реакция на реакцию» [8].

Исследования М.М. Бахтина, следовательно, позволяют утверждать, что **герой присутствует и в лирике**, однако в *безусловно специфической*, отличной от других литературных родов форме. В первую очередь, по М.М. Бахтину, герой в лирике принимает на себя функции того «другого», устами которого поэт-лирик высказывается о своей жизни. Такого рода отношения между автором и героем в лирике, в соответствии с концепцией учёного, могут быть определены следующим образом: в лирике наличествуют и автор, и герой, но в ней нет чётких внешних «границ героя, а следовательно, и принципиальных границ между автором и героем», а потому автор «должен утончиться до чисто внутренней вневходимости герою» [9].

Таким образом, обзор исторически меняющихся друг друга концепций лирики как литературного рода свидетельствует о том, что ходе теоретического осмысления этого феномена подходы к нему менялись, иногда достаточно существенно. Вначале лирика воспринималась как исполнительская форма и тип высказывания, при котором говорящий не меняет своего лица; затем – как род литературы, характеризующийся содержательно-структурным принципом субъективности; наконец, в XX-ом веке – преимущественно благодаря исследованиям М.М. Бахтина – утверждается представление о лирике как о литературном роде, отличающемся не только особой субъектной структурой, но и специфическим типом отношений между автором и героем.

Для лирики как литературного рода первостепенное значение имеет выражение в произведении **точки зрения лирического субъекта**, которое может осуществляться в весьма разнообразных формах. Наиболее «естественным» вариантом в этом случае представляется *прямое* – от первого лица – самовыражение *лирического «я»*, однако, подчиняясь законам лирического жанра, и изображение внешнего мира (картин природы, какого-либо предмета или события) также служит целям самовыражения.

Формы лирического высказывания различны: переживания и мысли лирического субъекта могут высказываться *от первого лица* в форме **монолога** или *от лица введённого в текст персонажа* (ролевая лирика: «Еду ли ночью по улице тёмной...» Н.А. Некрасова и другие произведения); передаваться *через предметное изображение* («Уснуло озеро...» А.А. Фета и другие); *быть скрытыми в рассуждениях*, где предметные образы играют периферийную роль или являются принципиально условными («Эхо» А.С. Пушкина и другие стихотворения); могут *объективироваться в диалоге героев* («Спор между Вийоном и его душой» Ф. Вийона); иметь *форму обращения к какому-либо неопределённому лицу* («Silentium» Ф.И. Тютчева); *«просвечивать» сквозь сюжет* – качество, свойственное жанру баллады (например, «Три пальмы» М.Ю. Лермонтова), и т. д. Во всех перечисленных и иных случаях способы представленности лирического субъекта в лирической структуре, словесные формы его воплощения, используемые при этом художественно-образные приёмы и т. д. отличаются определёнными особенностями.

Исследователи обращают внимание на одну неточность в существующих определениях лирического героя, «чреватую далеко идущими последствиями» [10]. По одному из определений, содержащихся в исследовательской литературе, лирический герой «является и субъектом, и объектом <...> Это и носитель сознания, и предмет изображения» [11]. В связи с этим С.Н. Бройтман замечает, что «именно понятие «предмет», «объект» не адекватны природе лирического героя и прово-

цирую понимание его по аналогии с эпическим, объектным художественным образом, каковым он на самом деле не является. Поэтому мы предпочитаем называть его не субъектом и объектом одновременно, а субъектом-в-себе и субъектом-для-себя». Это, по мнению исследователя, «позволяет избежать многих неточностей, например, возникающих при сравнении его с образом-характером» [12].

Подобное сравнение привело Л.Я. Гинзбург к заключению, что «лирического героя не следует отождествлять с характером <...> Лирическая личность, даже самая разработанная, всё же суммарна. Лирика вызывает ассоциации, молниеносно доводящие до сознания читателя образ, обычно уже существующий в культурном сознании эпохи. Лирика обогащает и варьирует этот образ, она может совершать психологические открытия, по-новому трактовать переживания человека. Но построение индивидуального характера оставалось обычно за пределами целей, которые ставила себе лирика, средств, которыми она располагала» [13].

По мнению С.Н. Бройтмана, при акцентировании необъектной природы лирического героя предложенное Л.Я. Гинзбург сопоставление приобрело бы большую чёткость и строгость. Опираясь на предложенные М.М. Бахтиным термины, он предлагает придерживаться в данном вопросе следующей позиции: «... главное различие здесь не в «суммарности», степени «разработанности» и индивидуальности, а в самом подходе к образу человека. Ведь характер – это «объектный образ», увиденный со стороны. Напротив, «образ личности (т. е. не объектный образ, а слово)» – это человек, увиденный изнутри в качестве «я» и не поддающийся «объектному познанию». ... **Лирический герой – не образ-характер, а образ-личность**, по терминологии М.М. Бахтина, и это объясняет многие его особенности, непонятные с точки зрения традиционной характерологии» (выделено мною. – И. З.) [14].

При подобном подходе несколько прояснённым оказывается **парадокс лирического субъекта**, на первый взгляд, совместившего в себе несовместимое: он является именно героем, изображённым субъектом (образом), не совпадающим с автором, однако условием его восприятия оказывается «постулирование в жизни его двойника» (Л.Я. Гинзбург), «самого поэта», по выражению Б.О. Кормана. Примечательно, что в этом случае речь идёт «не о читательском произволе, а о **двойном восприятии**, заложенном в художественной системе» (выделено мною. – И. З.) [15].

С.Н. Бройтман справедливо замечает, для адекватного описания подобного рода образа «необходим категориальный аппарат, основанный не на формальной логике, ибо закон исключённого третьего тут не действует. **В данном случае нельзя поставить вопрос: либо (автор) – либо (герой)**. Как только мы закрываем глаза на авторскую ипостась лирического субъекта, то оказываемся вынужденными понимать его по аналогии с эпическим или драматическим персонажем, что стирает специфику лирики. Но если мы игнорируем его геройную ипостась, то перестаём видеть отличие образа от его творца, т. е. стираем специфику искусства. **Обе операции чреватые невосполнимыми потерями смысла**, и обе они уже были неоднократно испробованы в науке» (выделено мною. – И. З.) [16].

Выход из создавшейся ситуации исследователю видится в применении к решению данного вопроса не формальной, а иной логики – основанной на принципе «нераздельности-неслиянности», или же принципе дополнительности, – опираясь именно на эту логику, с давних пор трактовали и описывали отношения «творца» и «творения». Подтверждение целесообразности такого подхода учёный усматривает в «чрезвычайной развитости» в лирике форм *косвенного* (не *прямого*, или *декларативного*) представления лирического субъекта, «при которых он смотрит на себя как на «другого» – как на «ты», «он» – обобщённо-неопределённое лицо, состояние, не совпадающее со своим носителем. Так, в строках «Оправдания» М. Лермонтова:

Когда одни воспоминанья
О заблуждениях страстей
На место славного названья
Твой друг оставит меж людей –

«твой друг» – это именно лирический герой, видящий и судящий себя как «другого», но именно лирического «другого» – субъекта, а не объекта изображения. И при косвенном представлении субъекта он не оказывается увиденным только со стороны, а потому не становится характером, а остаётся личностью в том смысле, который вкладывал в эти слова М.М. Бахтин» [17].

Таким образом, соотношение между лирическим героем и автором (поэтом), иначе говоря – между **авторской** и **героиней** *ипостасями лирического субъекта*, осознаётся литературоведами по-разному: традиционное представление о слитности, нерасторжимости, тождественности носителя лирической речи, восходящее к Аристотелю (которое ряд современных исследователей считают наиболее адекватным для понимания сути лирического творчества), до принципиально отличных воззрений учёных XX-го века, в частности М.М. Бахтина, который усматривал в лирике сложную систему отношений между автором и героем, «я» и «другим», а также говорил о неизменном присутствии в ней хорового начала [18].

Заключение. Концепция М.М. Бахтина относительно сущности лирического героя в современном литературоведении была развёрнута С.Н. Бройтманом, который утверждает, что для лирической поэзии (в особенности близких нам эпох) характерна не «моносубъектность», а «интерсубъектность», т. е. запечатление взаимодействующих сознаний [19].

Работы М.М. Бахтина, понимавшего **лирический субъект** как *образ-личность* (в отличие от предлагаемого ранее *образа-характера*), оказали в XX-ом веке существенное влияние на теоретическое осмысление этой эстетической категории, что позволило трактовать её, на первый взгляд, парадоксально: как феномен, объединяющий в себе две ипостаси: **героиную** и **авторскую**, – и, соответственно, относиться к лирическому герою как присутствующему в лирическом произведении **одновременно** именно в этих двух ипостасях.

Феномен лирического субъекта в настоящее время всё ещё остаётся недостаточно изученным, что в значительной степени обуславливается как его сложностью, так и множественностью проявлений в лирической структуре, а также чрезвычайным разнообразием форм (жанрово-стилистических, тематических и др.) лирической поэзии. Наряду с этим необходимо отметить, что теоретическое осмысление в прошлом и нынешнем веке феномена лирический субъект поставило вопрос о и пересмотре содержания такой ключевой для лирики категории, как **субъективность**, которая в концепции М.М. Бахтина понимается как **субъектность**.

Список использованной литературы:

1. Гегель, Г.В.Ф. Сочинения. – Т. 14. Лекции по эстетике. – Кн. 3 / Г.В.Ф. Гегель. – М.: Соцэкгиз, 1958. – С. 347.
2. Гегель, Г.В.Ф. Сочинения. – Т. 14. Лекции по эстетике. – Кн. 3 / Г.В.Ф. Гегель. – М.: Соцэкгиз, 1958. – С. 423, 427.
3. Бройтман, С.Н. Лирика / С.Н. Бройтман // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / [гл. науч. ред. Н. Д. Тamarченко]. М.: Издательство Кулагиной, Intrada, 2008. – С. 110.
4. Бройтман, С.Н. Теория литературы / С.Н. Бройтман, Н.Д. Тamarченко, В.И. Тюпа / Под ред. Н.Д. Тamarченко. – Т. 2. – М.: Академия, 2007. – С. 335.
5. Бройтман, С. Н. Лирический субъект / С. Н. Бройтман // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / [гл. науч. ред. Н. Д. Тamarченко]. – М.: Издательство Кулагиной, Intrada, 2008. – С. 110.

6. Бахтин, М.М. К философии поступка / М.М. Бахтин // Философия и социология науки и техники. – М., 1986. – С. 145.
7. Бройтман, С.Н. Теория литературы / С.Н. Бройтман, Н.Д. Тamarченко, В.И. Тюпа // Под ред. Н.Д. Тamarченко. – Т. 2. – М.: Академия, 2007. – С. 340.
8. Бахтин, М.М. К философии поступка / М.М. Бахтин // Философия и социология науки и техники. – М., 1986. – С. 154–155.
9. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. – М. Искусство, 1979. – С. 147–161.
10. Бройтман, С.Н. Теория литературы / С.Н. Бройтман, Н.Д. Тamarченко, В.И. Тюпа / Под ред. Н.Д. Тamarченко. – Т. 2. – М.: Академия, 2007. – С. 344.
11. Гинзбург, Л.Я. О лирике / Л.Я. Гинзбург. – Ленинградское отделение изд-ва «Советский писатель», 1974. – С. 165.
12. Бройтман, С.Н. Теория литературы / С.Н. Бройтман, Н.Д. Тamarченко, В.И. Тюпа / Под ред. Н.Д. Тamarченко. – Т. 2. – М.: Академия, 2007. – С. 344.
13. Бройтман, С.Н. Теория литературы / С.Н. Бройтман, Н.Д. Тamarченко, В.И. Тюпа / Под ред. Н.Д. Тamarченко. – Т. 2. – М.: Академия, 2007. – С. 345.
14. Гинзбург, Л.Я. О лирике / Л.Я. Гинзбург. – М.; Л.: Советский писатель», 1965. – С. 165.
15. Бройтман, С.Н. Теория литературы / С.Н. Бройтман, Н.Д. Тamarченко, В.И. Тюпа / Под ред. Н.Д. Тamarченко. – Т. 2. – М.: Академия, 2007. – С. 345.
16. Бройтман, С.Н. Теория литературы / С.Н. Бройтман, Н.Д. Тamarченко, В.И. Тюпа / Под ред. Н.Д. Тamarченко. – Т. 2. – М.: Академия, 2007. – С. 345–346.
17. Бройтман, С.Н. Теория литературы / С.Н. Бройтман, Н.Д. Тamarченко, В.И. Тюпа / Под ред. Н.Д. Тamarченко. – Т. 2. – М.: Академия, 2007. – С. 345–346.
18. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. – М.: Искусство, 1979. – 424 с.
19. Бройтман, С.Н. Лирический субъект / С.Н. Бройтман // Поэтика : словарь актуальных терминов и понятий / [гл. науч. ред. Н. Д. Тamarченко]. – М.: Издательство Кулагиной, Intrada, 2008. – С. 112–114.

Стреленко А.А.

*ВГУ имени П.М. Машерова, Республика Беларусь, г. Витебск
Доцент, кандидат психологических наук*

strelenko@list.ru

УДК 159.923.2:101.9(091)

КАТЕГОРИЯ ОБРАЗА ЧЕЛОВЕКА КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА В ТРУДАХ М.М. БАХТИНА

Статья посвящена проблеме образа человека в трудах М.М. Бахтина.

Ключевые слова: Ты-образ, «Другой», «Я», изучение другого, общение.

CATEGORY OF HUMAN IMAGE AS A PSYCHOLOGICAL PROBLEM IN THE WORKS OF M.M. BAKHTIN

The article is devoted to the problem of the image of man in the works of M.M. Bakhtina.

Key words: You-image, «the Different», «Me», exploring of the different, communication.

Введение. Проблема образа в психологической науке является одной из центральных и фундаментальных в области изучения сознания и самосознания человека.